

— Как тогда.

Лу Чжао мысленно смаковал эти слова, сорвавшиеся с губ друга, и тихонько рассмеялся.

Неужели Цэнь Ян до сих пор не понял, к чему всё идёт? Или понял, но упрямо гнал от себя эту мысль? Попытка прочертить невидимую черту, удерживая его, Лу Чжао, на безопасном расстоянии?

Если первое, то затуманенный феромонами разум лучшего друга казался даже забавным. Если второе... Что ж, упорное нежелание Цэнь Яна сдаваться в такой момент выглядело ничуть не менее трогательным.

Лу Чжао не ответил ни «да», ни «нет». Он просто опустился на постель рядом с другом, примерился, приподняв руку, и под его напряжённым, настороженным взглядом спросил:

— Выбирай сам. Будешь смотреть на меня или закроешь глаза?

Цэнь Ян, казалось, сейчас сгорит со стыда. Всё его тело натянулось как струна.

— Не смотреть... — едва слышно выдавил он.

— Идёт, — Лу Чжао мягко улыбнулся. Дарящая это смущение стыдливость только красила друга. — Тогда так.

С этими словами он коснулся Цэнь Яна.

Тот сперва оцепенел, а мгновением позже горько пожалел о своём выборе.

Лу Чжао ведь не предупредил, что «не смотреть» означает оказаться притянутым к нему вплотную, утыкаясь лицом в сильное плечо.

Подбородок друга покоился на его плече; близость между ними стала абсолютной. Прижавшись спиной к широкой груди Лу Чжао, Цэнь Ян отчётливо слышал удары его сердца — ровные, тяжёлые, уверенные. Точно такие же, как и движения державших его рук.

Перегруженный зашкаливающими феромонами разум окончательно погрузился в туман.

Сквозь нарастающий гул в ушах ему почудилось, будто Лу Чжао удивлённо хмыкнул. Цэнь Ян хотел было спросить, в чём дело, но волна слабости, хлынувшая по позвоночнику, лишила его сил.

Слова застряли в горле. Ему оставалось лишь зажмуриться и молить небо, чтобы Лу Чжао закончил поскорее. Пусть эти мучительные дни закончатся, а запрещённый стимулятор, сввергнувший его в этот ад, навсегда останется погребённым в глубинах памяти.

В обычных обстоятельствах молодой Альфа мгновенно уловил бы чужой взгляд — инстинкты у него были отменными. Но сейчас Лу Чжао видел: друг даже не замечает, что на него смотрят в упор.

Лу Чжао сморгнул, возвращая мыслям хладнокровие.

Обещать не смотреть, но сидеть прямо напротив зеркальной поверхности медицинской капсулы, в которой всё отражалось во всех подробностях — забавное лукавство.

«Впрочем, раз он не заметил, то и договора я не нарушал», — невозмутимо рассудил Лу Чжао.

Тело в его руках задрожало сильнее. На миг Лу Чжао даже показалось, будто сквозь барьер пробился едва уловимый запах чужих феромонов.

Кстати...

Лу Чжао отвёл глаза от зеркального пластика капсулы и повернул голову, разглядывая друга вблизи.

Всё виделось совсем иначе.

В отражении он примечал лишь закушенные добела губы, изящный изгиб напряжённой шеи, тяжело вздымающуюся грудь да пунцовую краску, разлившуюся у самого сердца.

Он не пытался подглядывать. Просто целебный раствор на теле Цэнь Яна ещё не высох, и влажная, липнущая к коже одежда выдавала каждую деталь.

Зато теперь, уткнувшись взглядом прямо в его лицо, Лу Чжао видел тонкую белую полосу от зубов на искусанной губе, каплю пота, скользящую от виска к волевому подбородку, и лихорадочный, влажный румянец у самых ресниц.

В голове снова возник образ спелого персика.

«Если я укушу его сейчас, брызнет ли из него сладкий сок, как из перезрелого плода?»

Глупая мысль.

Ведь феромоны Цэнь Яна пахли совсем не персиками.

«Хорошо, зайдём с другого боку, — поправил себя Лу Чжао. — Если я укушу его, из него прольётся аромат той самой парфюмерной эссенции...»

В том, чтобы расти бок о бок, был огромный плюс: они знали друг друга до мельчайших деталей.

Когда Цэнь Ян прошёл пубертатное разделение и они наконец помирились, Лу Чжао как-то из любопытства спросил, каков его истинный запах.

— Всё довольно сложно, — ответил тогда Цэнь Ян. — Обычно запахи делят на простые категории, но на деле феромоны ведут себя иначе. В момент выброса, на пике концентрации и когда они долго остаются в воздухе — это три совершенно разные композиции.

— И как же пахнешь ты? — поинтересовался Лу Чжао.

Цэнь Ян задумался:

— На Звёздной сети есть конторы, которые делают духи с точной имитацией феромонов. — Некоторые фанаты купали их, чтобы пахнуть как их кумиры; другие душили манжеты после приёма блокаторов, чтобы оставаться в ясном уме, но не лишать себя привычного шлейфа. — Объяснять на словах долго. Давай я просто закажу один флакон для примера?

Сперва Лу Чжао посчитал это канителью. Но когда Цэнь Ян принёс флакон с ярлыком «Эбеновое дерево и агар», созданный лучшими парфюмерами, Лу Чжао понял, что недооценивал сложность вопроса.

Сперва в нос ударил резкий, пьянящий аромат выдержанного алкоголя с пряной остринкой. Затем эта острота смягчилась, раскрываясь целым букетом восточных специй.

По сравнению с другими Альфами, чей запах обычно ассоциировался с пороховой гарью и металлом, этот аромат казался удивительно благородным. Но при чём тут агар?

Стоило ему об этом подумать, как ответ сам настиг его.

Шлейфом, оседающим на коже, действительно был чистейший агар — глубокий, древесный, обволакивающий и бесконечно манящий.

— Я укушу тебя, — тихо предупредил Бета, склонившись к самому уху друга.

Ресницы Цэнь Яна дрогнули. Он приоткрыл затуманенные глаза, непонимающе всматриваясь в лицо Лу Чжао.

Лу Чжао поймал этот взгляд и понял: Цэнь Ян опять наступает на те же грабли. Пытается терпеть, сдерживаться, уберечь друга от последствий, принимая весь удар на себя.

Какая глупость. Он ввязался во всё это давным-давно — ещё в детстве, когда маленький Цэнь Ян протянул ему игрушку и спросил, хочет ли он дружить.

— Всё честно, — пробормотал Лу Чжао под нос. — Потом сможешь укусить меня в ответ.

С этими словами он прижался губами к его шее.

Цэнь Ян вздрогнул так неистово, словно через него пропустили электрический ток. Но Лу Чжао ждал этого. Его руки крепко обхватили чужое тело, лишая малейшей возможности вырваться.

Если бы Лу Чжао спросили об этом в самом начале, он бы непременно отрезал: «Я здесь только ради первой помощи, а не ради полноценной метки. Ничего лишнего не произойдёт».

Укус действительно не входил в его планы.

И всё же он сделал это. Сперва коснулся кожи губами, затем прижал зубы, а после провёл по горячему следу кончиком языка.

— Лу Чжао... Лу Чжао... — сорвался с губ друга хриплый выдох.

«Голос звучит твёрже, чем я думал», — мысленно отметил Лу Чжао.

Цэнь Ян не просто звал его по имени, он попытался спросить:

— Что... что ты делаешь?

Лу Чжао промолчал. Его намерения были очевидны и без лишних объяснений. К тому же сейчас его губам и языку предстояло заняться куда более важным делом.

Например, ловить бешеный стук пульса под тонкой кожей, ощущать, как лихорадочно пульсирует воспалённая железа, впитывать жар его тела и солоноватые капли пота.

Зубы сжались сильнее.

— А-ах!..

Лу Чжао поймал себя на мысли, что стоны Цэнь Яна звучат на удивление сладко.

— Хватит... Лу Чжао...

Жаль только, что настоящие феромоны уловить так и не удалось.

С этой мимолётной грустью Лу Чжао вонзил зубы ещё глубже.

Цэнь Ян слабо трепыхался в его объятиях, но в этих движениях уже не было силы. Измученный ядовитым жаром стимулятора, он отдал борьбе последние крохи энергии.

Спустя бесконечно долгие минуты Лу Чжао наконец отстранился.

Он провёл кончиком языка по зубам, ощутив лёгкую саднящую боль.

Он опустил взгляд на багровеющий след на шее Альфы. Оказывается, эта аккуратная ложбинка прямо над воротником была создана специально для чужих зубов.

Для его зубов. Больше никто не посмеет оставить здесь подобную метку. Цэнь Ян — его лучший друг, а он — лучший друг Цэнь Яна. Конечно, Лу Чжао надеялся, что этот кошмар больше никогда не повторится, но если судьба подкинет им ещё один «сюрприз»...

Кто, кроме верного товарища, придёт на помощь?

Сделав этот вполне логичный вывод, он наконец соизволил заглянуть другу в лицо.

И тут же изумлённо замер:

— Ты чего, плачешь?

Невероятно, но суровый Альфа действительно плакал.

В уголках его глаз дрожали слезинки, кончик носа забавно покраснел. Он и без того выглядел побитым, а теперь и вовсе вызывал щемящую жалость.

Лу Чжао даже засомневался в собственной аккуратности. Смутившись, он тихо спросил:

— Неужели так больно? Я же старался полегче. Даже кожу не прокусил.

Пускай мысленно он и шутил про «сок из персика», Лу Чжао прекрасно помнил, какие тяжёлые раны перенёс его друг. Тот едва успел подлечиться в капсуле, да и то не до конца.

Пустить ему кровь в такой момент было бы верхом свинства.

— Эй, ну ты чего молчишь? — не дождавшись ответа, Лу Чжао затревожился всерьёз.

Он наклонился ниже. Расстояние сократилось настолько, что их дыхание смешалось, согревая лица друг друга, и в этот момент веки Цэнь Яна вздрогнули.

— Мало... — прошептал он, цепляясь за плечи беты. Глаза его лихорадочно блестели. — Пожалуйста, помоги мне... Ещё...

Лу Чжао опешил. Выходит, пока он терзался сомнениями, сам пострадавший вовсе не возражал против укусов.

Да и с какой стати ему возражать? Это ведь был Лу Чжао — единственный, кому Цэнь Ян доверял безоговорочно. Впрочем, если друг решит укусить его в ответ, Лу Чжао с удовольствием подставит шею.

Ради этого всё и затевалось.

— Мало... — Цэнь Ян подался вперёд, ища тепла. — Лу Чжао... Лу Чжао...

Он полностью отдался чужой воле, порывисто сменив позу. Секунда — и он уже сидел на коленях беты, обвив его бёдра ногами.

Лу Чжао ощутил нестерпимый жар, исходящий от Альфы. Кожа друга буквально пылала, грозя обжечь при любом прикосновении. Сам Цэнь Ян этой лихорадки словно не замечал. Он лишь хрипло умолял, шептал его имя и просил спасти от этого безумия.

— Хорошо, — выдохнул Лу Чжао.